

Б.Г.КАПУСТИН,
доктор философских наук,
Московская высшая школа
социальных и экономических наук

Особенное и иное. Или как подходить к пониманию специфики современной России

Обсуждая итоги настоящего симпозиума, мы вольно или невольно намечаем тематику симпозиума будущего. Мне кажется, что многие вопросы не только остались открытыми, но и вновь поставлены в ходе нашей дискуссии и объединены общей темой, которую я бы обозначил как "Общее и особенное в развитии современной России". Сама по себе такая формулировка звучит весьма банально, но я бы предложил ее (за неимением лучшей) именно потому, что наши дебаты позволили увидеть небанальный смысл сопряжения категорий "общего" и "особенного" применительно к посткоммунистической России и ее отношению к глобальному контексту.

В своем выступлении А.Ахиезер говорил о том, что мы по-прежнему не знаем, куда идет Россия. И он прав. Но я бы добавил: и не можем знать, до тех пор пока продолжаем оперировать (квази-) понятиями, заимствованными из того литературного жанра, который профессор В.Тишков назвал "просвещенной публицистикой". Хотя я не вполне уверен, что к данному жанру подходит эпитет "просвещенный", но согласен с тем, что ему удалось маргинализировать науку, по сути узурпировав пространство публичной дискуссии о "судьбах России". Все это имело чрезвычайно пагубные последствия именно для осмысления "общего" и "особенного" в развитии России.

"Особенное" стало пониматься как "иное", как некие признаки, черты, свойства российской действительности, отличающие ее от того, что, прежде всего, подразумевается под "Западом". "Общее" же — в противоположность этому (а другого способа его понимания при отождествлении "особенного" и "иного" нет) — как сумма ключевых характеристик "Запада", которые полагаются определением "современной цивилизации" вообще и потому — универсалиями мирового развития.

Эти редуцированные, содержательно опустошенные представления об "общем" и "особенном" легли в основу той полемики, которая стала жизненным нервом этого жанра "просвещенной публицистики". С одной стороны, оказалось возможным бесконечно судачить на тему о том, что "Россию аршином общим не измерить", придавая ей тот смысл, что (общие) законы нам не писаны. У нас все уникально — от отсутствия рациональности до "соборного" коллективизма, экстенсивности душевных качеств и "артельной экономики". В этом контексте даже бердяевское определение алгоритма российской истории и культуры как "вечно бабьего" вполне сходит за то, к чему можно относиться серьезно и даже обсуждать. С другой стороны, разворачивается дискурс, общим фоном которого выступают представления о модернизации (как вестернизации), о возвращении России на "большак мировой цивилизации", фактически — об имитации "Запада" посредством стадийного телеологически ориентированного процесса, для которого специфика России — в лучшем случае та среда, которую должны "переработать, переформовать под себя" универсальные закономерности эволюции. Проблема в том, что нынешние представления о модернизации есть в той же мере деградация той концептуализации Современности, которую дал на рубеже веков Макс Вебер, в какой вздор о "вечно бабьем" России является опустошением романтического осмысления "права особенного" в истории (против нивелирующей и репрессивной абстрактности "универсального" Разума Просвещения), выработанного еще в XIX в.

Нелепо игнорировать то, что Россия находится в контексте современного мира, что этот контекст определяет, вероятно, самое существенное из того, что происходит в России. Но столь же нелепо представлять этот контекст в виде универсальных законов "прогресса" или "эволюции", воспроизводя тем самым метафизику и телеологию прошлого века. Чтобы выйти из этих двух нелепостей, нам нужно переопределить само понятие "Современности", не отождествляя его (на уровне общего определения) с такими институциональными кластерами, как "капитализм", "нация-государство", "рациональная (в веберовском смысле) администрация" и т.п., тем более — с их конкретными сочетаниями, какие получались в

те или иные периоды истории в тех или иных региональных (западных) версиях Современности. Все эти кластеры и их сочетания — специфические варианты, если не решения, то канализирования проблемы Современности таким образом, чтобы найти и поддержать жизнеспособность социумов.

Сама же проблема Современности (на уровне общего определения) заключается в том, что Карл Манхейм назвал распадом "объективной онтологии" общественной жизни, т.е. коллапс тех "независимых" от человека и "данных" ему в качестве неоспоримой самоочевидности ценностных структур, которые — в виде традиций — организовывали, регулировали, направляли "жизненный мир", причем не только на микроуровне его непосредственного повседневного опыта, но, что важнее, — на макроуровне политических и экономических систематизаций. Как и почему это произошло, *начало* происходить на Западе на рубеже Нового времени, а затем — распространилось по миру, — особая и дискуссионная тема, которой сейчас я не могу касаться. Отмечу лишь то, что распад "объективной онтологии" в разных зонах мира протекал в особенных формах, с разными последствиями, под непосредственным воздействием различных факторов, и реакции на него — в той или иной степени удачные и неудачные — также были многообразными. То сочетание институциональных кластеров, которое в прошлом веке было выработано в "передовых" странах Запада (модифицированное в дальнейшем), как раз и было весьма удачным для своего времени ответом на вызов "проблемы Современности". В условиях же фактического доминирования Запада в глобальном мире, сообщившего истории ту форму всемирности, в которой она (история) приобретала характер унитарного, упорядоченного, стадиального, телеологического процесса, этот конкретный ответ предстал в виде универсальных законов "цивилизации". Этим я хочу сказать, что свойственное "модернизационному" мышлению отождествление "общего" с "западным" и списывание им "особенного" по статье "благоприятствующих или мешающих факторов" (осуществления универсальных законов) имеет под собой реальную историческую почву, а именно — то состояние мира, которое было создано в прошлом веке и в известной мере сохраняется (пока) и сейчас. Весь вопрос в том, сколь велика эта мера (пока) и не разумнее ли — после обеих мировых войн, краха западных колониальных систем, равно как и блока "реального социализма", в связи со смещением центров глобальной динамики с северо-западной Атлантики на Дальний Восток и Юг, экологическим кризисом и всем тем, что проблематизирует, если не самую жизнеспособность, то во всяком случае — универсальную значимость "западной модели", — не разумнее ли предположить, что

эта мера будет убывать и дальше, все более выявляя то, что А.Тойнби назвал "провинциальностью Запада"?

Если так, то у нас есть возможность более содержательно подумать о категориях "общего" и "особенного", в том числе и применительно к России. Фактически обнаруживающаяся "провинциальность Запада" (что не есть нечто уничижительное: все регионы мира есть его "провинции", образующие в постметафизической истории в лучшем случае конфедерацию без общей "столицы") позволяет понять "общее" не как некую институциональную модель, но как *общее проблемное поле*, в которое разные страны попадают по самым различным историческим траекториям (колониализации—деколониализации, краха "реального социализма", зарождения капитализма и секуляризма или увядания welfare state вместе с nation-state...) и в котором они вынуждены экспериментировать — не во имя "рыночно ориентированных реформ" или политической системы с "правильным" разделением властей, а ради производства жизнеспособных социумов.

Это общее, т.е. пребывание в проблемном поле Современности, похоже, накладывает свои ограничения на проводимые эксперименты, и эти ограничения, кстати, требуют серьезного научного анализа. Однако представляется ясным, что уход от необходимости экспериментирования за счет обнаружения якобы "готовых ответов" в глубинах истории и традиций, в мистике "иного", равно как и в имитации "чужих" образцов, есть путь в тупик.

Здесь выявляются связки категорий, с которых мы начали этот разговор. Действительно "общее" как мировые условия страновых и региональных экспериментов позволяет прийти к пониманию "*особенного*" как необходимо специфических форм осуществления "общего", причем поскольку самое "общее" есть "лишь" проблемное поле, — постольку и "особенное" не детерминировано им (на манер гегелевской детерминации явления сущностью), но открыто для собственного самоопределения, хотя и реализуемого в контексте с некоторыми "данными" параметрами. Только в соотнесенности с общим и через него особенное становится доступным научному определению и анализу, по существу — конституируется как особенное, отличаемое от бессодержательной "инаковости".

Другой парой является "общее" как институциональная модель, представляющая собой (в той или иной мере адекватное) описание какого-то "провинциального опыта", и "иное". Поскольку здесь "общее" и "инаковое" соотнесены между собой лишь через различия, т.е. не фиксируется их *необходимая связь* (которая, вновь подчеркнем, не равнозначна детерминации), постольку перечень таких различий всегда произволен и случаен и никоим образом не может претендовать на выявление *существенного*. Если так, то оба члена

этой пары не поддаются научной (да и вообще логической) концептуализации. А это и открывает путь всевозможным мистификациям в духе оппозиций "рационализм (Запада) vs¹ иррационализм (России)", индивидуализм vs (соборный) коллективизм", "материализм vs духовность русской идеи" и т.п., что и составляет пищу обеих сторон, полемизирующих в жанре "просвещенной публицистики". Я завершаю свое выступление и предлагаю следующий симпозиум посвятить теме "общее и особенное в развитии современной России", рассмотренной с разных дисциплинарных, методологических и мировоззренческих точек зрения. Мне кажется, нынешняя дискуссия дала возможность вырваться из царства кривых зеркал "просвещенной публицистики" и нащупать не банальные подходы к этой теме.

¹ Versus, т.е. политика "против"